

Другие скульптуры украшали фасады киевских церквей в XI в. Как мы уже упоминали, это рельефы, которые в течение многих веков (может быть, с их основания) были вделаны в фасады двух ныне разрушенных монастырских церквей второй половины XI—начала XII в. (главная церковь Печерского монастыря 1077—1078 гг. и главная церковь Михайловского монастыря 1118 г.). В обоих случаях это парные плиты со сходными сюжетами, но самые скульптуры исполнены на месте, о чем свидетельствует материал — красный шифер из Овручских каменоломен к западу от Киева.

Рельефы Печерской лавры посвящены светским мифологическим сюжетам: на одном изображен юный Дионис в колеснице, которую тянут две пантеры, на другом — Геркулес, борющийся со львом.²⁴ Несмотря на угловатость стиля и неловкость рисунка, эти плоские рельефы замечательны своей монументальностью, — свойство, чрезвычайно редкое в скульптуре византийской эры. Рельеф с Геркулесом напоминает указанную выше плиту в церкви св. Екатерины в Салониках, но в этой последней есть кое-какие указания на влияние мусульманской декоративной скульптуры, тогда как на киевском рельефе этих влияний не заметно. Наиболее интересен выбор сюжетов: Геркулес — олицетворение силы, Дионис в колеснице — символ победы. Другими словами, киевские рельефы фасадов, так же как и рельефы фасадов св. Марка, изображают или напоминают могущество и триумфы, и это, конечно, означает, что в Киеве рассматриваемые рельефы имели также функцию апотропеев, ограждающих церковь от сил зла.

Вторая пара киевских шиферных рельефов изображает в обоих случаях двух скачущих друг на друга воинов-всадников. Их нимбы указывают на святых, но эти фигуры анонимны, а потому их нельзя причислить к иконам (см. ниже о таких же всадниках на фасаде церкви Димитрия во Владимире). Думаю, что эти воины-всадники должны быть сближены с живописными изображениями такого же рода (но с именами определенных святых-воинов), которые видны с двух сторон от входа на фасаде двух балканских церквей конца средних веков: болгарской церкви Драголевици и сербской церкви Морача. Также парные, но скульптурные святые-всадники высечены с двух сторон от входной двери армянской церкви Птхни (VI в.) и нескольких других армянских и грузинских церквей. Нет сомнения, что в глазах современников эти воины-всадники ограждали вход в церковь.²⁵ С той же целью их воспроизвели на боковом фасаде армянской церкви Ахтамар (около 920 г.), а также на целом ряде дверных створок — бронзовых в Италии (Трани и др.), деревянных в Македонии (Охрид, церковь св. Николая; по слухам, эти двери исчезли во время второй мировой войны). Внутри церквей мы видим этих святых-всадников в роли апотропеев, засвидетельствованной один раз надписью (для св. Сиссиния в Бауте, Египет) и несколько раз выбором места для этих изображений на парусах под сводом (Баут), т. е. в наиболее ответственной части покрытия церкви, где святой мог быть особенно полезен (в христианском Египте, кроме стенописей в Бауте, см. резной иконостас в Музее коптского искусства в Старом Каире).

Вспомним, с другой стороны, что рельефы западного фасада св. Марка в Венеции включали в себя как раз те же две категории сюжетов, которые

²⁴ См.: История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, рис. 220.

²⁵ В недавно раскопанном, но еще не изданном омайядском замке Аджар в Ливане (VIII в.) тимпан ворот украшен рельефом двух всадников (доклад руководящего раскопками М. Шехаба на конгрессе ориенталистов 1957 г. в Мюнхене). Над входом в цитадель этот сюжет более уместен, чем на фасадах церквей, и Аджар, вероятно, указывает на светско-дворцовое происхождение темы.